

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ,

из которой вы узнаете о том, как паломники, избавившись от гибели прибыли в государство Баосянго и как Чжу Ба-цзе, преисполненный благодарности за оказанный прием, возвратился в горы для борьбы с волшебником

Когда не можешь ты смирять

Нелепые мечты,

То как же истины достичь

Рассчитываешь ты?

В служенье Будде мы растим

Природных чувств зерно,

Но как перерождаться вновь,

Когда в душе темно?

Возможно праведником стать,

Уразумев Закон,

Иначе будешь сотни раз

В пороки погружен.

О совершенствованье чувств

Помысли в жизни сей,

Чтоб смылась скверна всех грехов

С больной души твоей,

Бесчисленные, как песок

На гангских берегах,

Грехи твой омраченный дух

Отяготят в веках.

Итак, Чжу Ба-цзе и Ша-сэн уже более тридцати раз схватывались с волшебником, но все еще нельзя было сказать, кто окажется победителем. Почему же так случилось? А вот почему. Волшебник, конечно, был так могуч, что даже двадцать таких монахов, как Чжу Ба-цзе и Ша-сэн не могли бы справиться с ним. И только потому, что Танскому монаху не суждено было умереть и он находился под покровительством духов и защитников буддизма, в воздухе появились духи тьмы и света Лю-дин и Лю-цзя, пять защитников буддизма, духи — хранители четырех стран света и восемнадцать духов — хранителей буддизма. Они помогли Чжу Ба-цзе и

Ша-сэну. Однако оставим пока сражающихся противников и поговорим о Сюань-цзане. Убитый горем, сидел он в пещере волшебника и думал о своих учениках. Что-то они делают теперь? Из глаз у него текли непрошеные слезы.

«У-нэн, — думал он, — в каком селении ты встретил добрых людей и где утоляешь сейчас свой голод подаянием? А ты, У-цзин, — продолжал он размышлять, — удастся ли тебе найти У-нэна? Может быть, вы уже встретились? Но как вы узнаете о том, что я попал в лапы волшебника и мне грозит смертельная опасность? Когда же наконец я встречу вас, — когда мы освободимся от этих бедствий и отправимся в путь?» И вот, когда он сидел так, полный горестных раздумий и тревог, он вдруг увидел, как из внутреннего помещения вышла женщина. Опираясь на столб, к которому привязывали смертников, она сказала:

— Отец преподобный! Как вы сюда попали и почему привязаны?

Сюань-цзан полными слез глазами украдкой взглянул на женщину, ей было лет тридцать.

— Милостивая госпожа, — промолвил он. — Зачем спрашивать человека, обреченного на смерть? Я пришел к вам по собственной воле и, если вы хотите съесть меня, ешьте скорее.

— Я не ем людей, — отвечала женщина. — Моя родина расположена в трехстах с лишним ли к западу отсюда. Называется она Баосянго. Я — принцесса, третья дочь правителя этой страны. Зовут меня Бай Хуа-сю. Тринадцать лет назад, в ночь на пятнадцатый день восьмой луны, в тот момент, когда я любовалась луной, меня унес бешеный ураган, вызванный волшебником. Волшебник сделал меня своей женой. С тех пор я живу здесь. Родила двоих детей. О своих родных я не имею никаких сведений и потеряла всякую надежду вернуться когда-нибудь домой. Я часто вспоминаю о своих родителях, но лишена даже возможности повидаться с ними. А вы откуда пришли и как попали к нам?

— Я иду в Индию за священными книгами, — отвечал Сюань-цзан. — И вот неожиданно забрел сюда. Волшебник хочет еще поймать двух моих учеников, зажарить нас всех и съесть.

— Успокойтесь, почтенный отец, — с улыбкой промолвила женщина. — Раз вы идете за священными книгами, я выручу вас. Баосянго лежит как раз на пути, ведущем в Индию. Так вот, если вы согласитесь отнести письмо к моим родителям, я уговорю волшебника освободить вас.

— Милостивая госпожа, — закивал головой Сюань-цзан. — рели только вы спасете мне жизнь, я с радостью отнесу ваше письмо.

Тогда принцесса ушла во внутреннее помещение, написала письмо и вручила его Сюань-цзану, освободив монаха от веревок. Взяв письмо, Сюань-цзан сказал:

— Милостивая госпожа! Благодарю вас за величайшее благодеяние, оказанное мне. Проходя через вашу страну, я непременно побываю у вашего отца. Опасаюсь лишь одного. Прошло уже

много лет, возможно, ваши родители не захотят даже принять меня. Как мне тогда поступить? Если так случится, и я невольно нарушу свое обещание, вы не ругайте меня.

— Не тревожьтесь, — отвечала на это принцесса. — У моего отца всего три дочери. Поэтому, узнав о письме, он непременно выразит желание повидать вас.

Сюань-цзан запрятал глубоко в рукав переданное ему письмо, поблагодарил еще раз и хотел уходить. Но принцесса задержала его.

— Через передние ворота не ходите, — предостерегла она. — Там сейчас целая толпа духов: они размахивают знаменами, кричат, бьют в барабаны и гонги, помогая своему повелителю вести бой с вашими братьями. Идемте лучше через задние ворота. Если вам встретится сам хозяин, это еще ничего. Он разберется, в чем дело. А вот его подчиненные могут схватить вас и причинят вам вред. Лучше я сама пойду и улажу это дело. Может быть, князь согласится отпустить вас. Тогда вы обождете своих учеников, они разыщут вас, и вы спокойно отправитесь дальше все вместе.

Выслушав ее, Сюань-цзан земно поклонился и выразил полную готовность исполнить любое ее приказание. Затем он вышел через задние ворота и, не решаясь пускаться в путь один, укрылся в зарослях кустарника.

Между тем принцесса, задумав хитрый план, поспешила за ворота и стала пробираться через толпу младших духов. За воротами стоял невообразимый грохот. Это дрались в высоте Чжу Ба-цзе и Ша-сэн с волшебником.

— Господин Желтый халат! — изо всех сил закричала принцесса.

Услышав ее голос, волшебник покинул поле боя, спустился на облаке вниз и, бросив оружие, подошел к жене.

— Что тебе надобно, женушка? — спросил он.

— Господин мой, — отвечала женщина. — Сейчас, когда я спала у себя в комнате, во сне ко мне явился святой человек в золотых латах.

— Что за святой мог явиться сюда? — спросил волшебник.

— Когда я была маленькой, — сказала на это принцесса, — и жила у себя во дворце, я мечтала о достойном муже и дала обет, что если найду такого, то отправлюсь на знаменитую гору, поклонюсь святым местам и сделаю подношение монахам. Но, став твоей женой и проводя время в удовольствиях, я позабыла об этом. И вот во сне ко мне явился святой и потребовал, чтобы я выполнила свой обет. Когда он крикнул, я проснулась и поняла, что это был сон. Я тотчас же пошла к тебе, мой господин, чтобы рассказать об этом, но неожиданно увидела

привязанного к столбу монаха. Умоляю тебя, мой господин, выполни мое скромное желание и сжался над ним. Тогда я смогу выполнить данный мною обет и поднести подаяние этому монаху. Не знаю только, согласишься ли ты на это.

— Очень уж ты суеверна у меня, женушка, — сказал волшебник. — А впрочем, не такое уж это важное дело. Если мне захочется поестъ человеческого мяса, я достану сколько мне будет нужно. А этого монаха можешь отпустить. Пусть идет на все четыре стороны.

— Господин мой, — промолвила принцесса, — я уже отпустила его, он вышел через задние ворота.

— Тогда в чем же дело? — спросил волшебник: — Отпустила — и ладно. А через какие ворота — это все равно.

Затем он схватил свой стальной меч и громко крикнул:

— Эй, Чжу Ба-цзе, иди сюда! Я тебя не боюсь, но сражаться с тобой не буду. Из уважения к моей жене я сохраняю жизнь вашему учителю. Он ушел через задние ворота, ищите его там и отправляйтесь дальше. Но если когда-нибудь вы снова попадете в мои владения, пеняйте на себя: пощады не будет!

Услыхав эти слова, Чжу Ба-цзе и Ша-сэн, словно их освободили из ада, ринулись обратно в лес, взяли под уздцы коня, схватили носилки с вещами и моментально скрылись. Обойдя кумирню, они подошли к задним воротам и позвали своего учителя. Узнав их по голосу, Сюань-цзан тотчас же откликнулся. Раздвинув кустарники, Ша-сэн помог учителю выйти и сесть на коня. И вот:

Синеликий демон, угрожая,

Встал пред ними, страшный злобой силой.

Бай Хуа-сю появилась, к счастью, —

Путников от смерти защитила.

Так и рыба, изрыгнув из пасти

Золотой крючок, — уходит в море,

Резво бьет хвостом по волнам синим,

Весело играет на просторе.

Итак, они отправились дальше, Чжу Ба-цзе, как и раньше, шел впереди, а Ша-сэн следовал позади. Выйдя из соснового леса, они очутились на широкой дороге. В пути Чжу Ба-цзе и Ша-сэн не переставали ссориться, обвинять друг друга то в одном, то в другом. Сюань-цзан едва успевал мирить их. С наступлением вечера они пораньше устраивались на ночлег, а на

рассвете, с первым криком петуха, снова пускались в путь. И так, привал за привалом, они незаметно прошли еще двести девяносто девять ли.

И вдруг они увидели перед собой прекрасную страну. Это и была страна Баосянго — чудесный край.

Далекая дорога

И цепи гор вдали,

А край богат все так же,

Хоть он за сорок ли.

Луна сияет ярко,

Блаженны облака;

Колеблются туманы

Дыханьем ветерка.

Прекрасная картина:

Здесь, у подножья скал,

Ручей на перекатах

Белее яшмы стал.

Тропинками повсюду

Исчерчены поля,

В ростках душистых злаков

Кормилица-земля.

На трех ручьях немного

Увидишь рыбаков,

На две горы лесистых

Один лишь сборщик дров.

Железною стеною

Гам город окружен,

И рвом с водой кипящей

Надежно защищен.

И, в счастье соревнуясь,
Здесь весел каждый дом,
Высокий спорит терем
С блистательным дворцом.
Террасы высотой
В десятки тысяч чжан;
Как пестрые знамена,
Дворцы Хуанчайдянь,
На золотых ступенях
У яшмовой стены,
На лестницах дворцовых —
Придворные чины.
Колокола и флейты,
Свирель и барабан
Гаремное томленье
Развеют, как туман,
В садах императрицы
В росе стоят цветы,
Каналы государя
Прозрачны и чисты.
Сгибает ветер ветви
Прибрежных тонких ив,
Над водами каналов
Причудливо склонив.
В повозках пятиконных
На стогнах городских,
Блистают горожане
В одеждах дорогих;

В местах уединенных
Приволье для стрелков:
Они одной стрелою
Пронзают двух орлов.
Полночных развлечений
Построены дома,
И песни оглашают
Дворцы и терема.
Такое сладострастье,
Такая красота
Веселью не уступят
Лоянского моста.
Идя за книгой, старец
И плакал и скорбел
О славном Танском царстве,
Кляня его удел.
Ученики же старца,
Узрев его печаль,
Безмолвно устремились
Умом и сердцем вдаль.

Сюань-цзан и его ученики не могли налюбоваться красотами страны Баосянго. Наконец они собрали свои вещи и, ведя коня, отправились в гостиницу при почтовой станции, где и остановились. После этого Сюань-цзан пешком отправился к воротам дворца и обратился к дворцовой страже:

— Я — монах, посланец Танского императора, — промолвил он. — У меня есть письмо к вашему государю. Покорнейше прошу доложить обо мне.

Дежурный у ворот чиновник поспешил к своему повелителю.

— Великий государь, — произнес он. — Сюда прибыл почтенный священнослужитель, посланец

Танского императора: он хочет засвидетельствовать вам свое почтение и передать какую-то бумагу.

Государя очень обрадовало это известие, и он тут же распорядился ввести Сюань-цзана во дворец. Когда Трипитаку подвели к трону, он трижды громко приветствовал государя. Находившиеся на приеме чиновники в один голос с одобрением говорили, что сразу, дескать, видно выдающегося представителя великой страны, поскольку лишь такой человек может с подобным благородством и так свободно воздавать почести.

— По каким делам вы прибыли сюда, почтенный отец? — спросил Сюань-цзана правитель страны.

— Я — житель Танского государства и последователь учения Будды, — отвечал на это Сюань-цзан. — По велению моего императора, я следую сейчас на Запад за священными книгами. По этому случаю мне выдана специальная бумага, которую я и хотел в соответствии с существующим порядком представить вашему величеству и просить выдать мне разрешение на дальнейшую поездку. Вот почему я и решил побеспокоить вас, государь.

— Если у вас действительно есть бумага, выданная самим Сыном Неба, то покажите ее нам, — промолвил правитель. Тогда Сюань-цзан, взяв обеими руками бумагу, развернул ее и почтительно положил на столик перед государем. В бумаге говорилось:

«Настоящая бумага выдана Сыном Неба, по воле неба управляющим Великой Танской империей, в стране Джамбудвипа. Несмотря на мои скромные способности, мне, как наследнику, пришлось принять на себя управление страной, а также стать слугой святых. В результате я попал в чрезвычайно опасное положение. Однажды, по той причине что я не смог оказать помощь обратившемуся ко мне дракону реки Цзинхэ с просьбой спасти ему жизнь, дракон погиб и попал в преисподнюю. Оттуда ко мне прибыл посланец ада. И только потому, что в небесной книге не был точно указан год моей смерти, я по милости владыки ада был возвращен к жизни. По этому случаю я велел отслужить молебен, чтобы помочь душам умерших перейти в другой мир. И вот помогавшая всем страждущим бодисатва Гуаньинь явилась ко мне в золотом сиянии и сказала, что на Западе у Будды есть священные книги, которые помогут бесприютным душам умерших перейти в царство мрака. Настоящей бумагой повелеваю преподобному отцу Сюань-цзану отправиться в дальний путь за священными книгами и псалмами. Просьба оказывать всякое содействие подателю сей бумаги, который будет проезжать по западным странам, дабы он мог выполнить возложенную на него миссию. Выдано в тринадцатый год правления Чжэнь-гуань, Великой Танской династии, в присутствии императора. Бумага скреплена императорской печатью».

Прочитав бумагу, правитель страны Баосянго взял императорскую печать и, скрепив ею свою подпись, передал Сюань-цзану. Сюань-цзан поклонился государю и поблагодарил его за оказанную милость.

— А теперь я хочу передать вам письмо от ваших родственников, — сказал Сюань-цзан.

— Что за письмо? — обрадовался государь. — Письмо от вашей третьей дочери-принцессы, ваше величество, — отвечал Сюань-цзан, — которую похитил волшебник из пещеры Боюэ. Мы встретились с ней совершенно случайно, и она попросила меня передать вам письмо.

Услышав это, государь залился горячими слезами.

— Тринадцать лет я не видел моей дочери, — промолвил он. — Скольких гражданских и военных чиновников отстранил я за это время от должности! Сколько казнил служанок и евнухов! Но все они твердили одно: что принцесса вышла из дворца и заблудилась. Где только ее не искали! Бесчисленное количество жителей нашей страны было привлечено к ответу, однако, где принцесса, установить так и не удалось. Кто мог знать, что ее захватил волшебник? Вот почему эта весточка о ней привела меня в такое отчаяние и даже вызвала слезы.

Тем временем Сюань-цзан вынул из рукава письмо и почтительно передал его императору. Но как только император прочел обычные слова обращения с пожеланием благополучия, у него сразу же опустились руки, и он не мог читать дальше.

Тогда он приказал позвать ученого из императорской академии и, когда тот явился, передал ему письмо и приказал читать вслух. Все гражданские и военные чиновники, а также находившиеся в покоях рядом с залом государыня с придворными дамами, затаив дыхание, приготовились внимательно слушать.

«Ваша непочтительная дочь Бай Хуа-сю. — начал читать ученый, — сто раз склоняет свою голову перед великолепным тронem своего высокодобродетельного отца и желает ему много лет здравствовать. Кланяюсь я также своей матери-государыне, а также всем вашим государственным и военным сановникам, которые присутствуют у вас на приеме. Я чувствую глубокую признательность за те многочисленные заботы, которыми была окружена в вашем доме и за которые не смогла отплатить вам, хотя всегда старалась выказывать вам свое почтение и уважение. Но вот тринадцать лет тому назад, в пятнадцатый день восьмой луны, в ту прекрасную ночь, когда по вашему высочайшему повелению я готовила пир во дворце и все собравшиеся гости веселились и любовались луной, откуда-то налетел благовонный ветер, из которого вышел князь демонов. Глаза у него были огненные, лицо — синее, волосы — черные, Он схватил меня и на волшебном луче унес в пустынный горный край. Избавиться от него или перечить ему я, конечно, не могла, и он, пользуясь своей силой, заставил меня стать его женой. Так я и живу с ним вот уже тринадцать лет и родила от него двух оборотней. Я знаю, что одно упоминание об этом заслуживает осуждения и может нанести ущерб правам и обычаям нашей страны. Возможно, мне и не следовало сообщать вам об этом. Но я боюсь, что могу умереть, и вы даже не узнаете, что случилось со мной, станете меня упрекать и осуждать. И вот неожиданно для меня преподобный монах Танской империи тоже был схвачен этим волшебником. Я писала это письмо со слезами на глазах, затем набралась смелости, помогла ему освободиться и пересылаю с ним эту весточку вам. Я хотела еще высказать вам свое заветное желание и почтительно просить вас, государь-отец, пожалеть свою дочь и направить к пещере Боюэ на горе Ваньцзышань войско, чтобы расправиться с волшебником, спасти меня и вернуть ко двору. Буду век благодарна вам за вашу милость. Ваша недостойная дочь Бай Хуа-сю низжайше кланяется вам».

Ученый кончил читать. Государь горько заплакал. Заплакала и государыня. Даже чиновники и

все, кто присутствовал здесь, тяжело переживали это горе. Наконец государь перестал плакать и обратился ко всем военным и гражданским чинам с просьбой повести войска, выловить волшебника и освободить его дочь принцессу Бай Хуа-сю. Он несколько раз спросил, кто возьмется за это дело, но все молчали. Поистине это были деревянные полководцы и сановники.

Правителя охватило отчаяние, и он снова залился горячими слезами. Тогда сановники опустились перед ним на колени и промолвили:

— Не отчаивайтесь, ваше величество. С тех пор как исчезла принцесса, прошло тринадцать лет и все это время никто ничего не знал о ней. Лишь благодаря тому что она встретила Танского монаха, ей удалось прислать нам письмо. Неизвестно еще насколько оно достоверно. Кроме того, все мы, ваши подданные, простые смертные. Мы изучили военные книги и тактику, знаем, как разбивать лагерь и расставлять войска, можем охранять государство от нашествий врагов. А этот волшебник умеет летать на облаках и тумане; как же мы можем пойти против него? Как можем спасти вашу дочь! Вот паломник, идущий за священными книгами, принадлежит к высшему разряду священнослужителей. Учение его настолько могущественно, что он может подчинять себе тигров и драконов, добродетели его так велики, что он в силах противостоять всяким духам и оборотням, кроме того, ему, конечно, известно, как покорять духов. Ведь еще в древние времена говорили: «Тот, кто любит болтать о чужих грехах — сам греховодник». Поэтому следует попросить этого почтенного монаха усмирить волшебника и спасти принцессу. Это — единственно правильный выход из положения.

Тогда правитель обратился к Сюань-цзану:

— Почтенный отец, если вы знаете, как расправиться с волшебником, освободите мою дочь и привезите ее сюда, незачем вам идти на поклонение Будде. Вы можете отрастить волосы, а я готов признать вас своим братом. Будем вместе управлять страной и наслаждаться богатством и счастьем. Как вы на это смотрите?

— Я еще не до конца постиг учение Будды и потому не могу подчинять злых духов, — поспешил почтительно ответить Сюань-цзан.

— Если вы не умеете усмирять духов, как же вы отважились отправиться в Индию? — спросил государь.

Сюань-цзану пришлось признаться в том, что с ним вместе идут его ученики.

— Одному мне, конечно, рискованно было бы пускаться в такой путь, ваше величество, — почтительно отвечал он — Но у меня есть два ученика, которые без труда преодолевают непроходимые горы и перебрасывают мосты через реки. Лишь благодаря им я и смог добраться сюда.

— Что же вы за монах, если не знаете правил, — сердито сказал государь. — Вы должны были прибыть вместе со своими учениками? Может быть, я и не преподнес бы им каких-либо особых

даров, но на скромное подаяние они все же могли рассчитывать.

— Мои ученики так безобразны, — сказал тогда Сюань-цзан, — что я не осмелился привести их ко двору из опасения, как бы они своим присутствием не оскорбили ваше царское достоинство.

— Вы только послушайте, что говорит этот монах, — рассмеявшись, сказал государь. — Неужели я испугался бы?

— Не знаю даже, как и сказать вам, — промолвил Сюань-цзан. — Старшего моего ученика зовут Чжу Ба-цзе. У нею длинная морда и отвратительные клыки. Тело его покрыто щетиной, а уши как веера. Вдобавок ко всему у него огромный живот. Когда Чжу Ба-цзе идет, подымается ветер. Второй мой ученик — монах. Зовут его Ша У-цзин. Рост у него два чжана. Плечи широченные. Лицо синее, рот, как лохань. Глаза у него горят, зубы, как зубья у бороны. Вот почему я и не решился привести своих учеников сюда.

— Ну, после того как вы уже описали нам их наружность, — сказал государь, — нам нечего бояться их. Давайте позовем их сюда.

И он тотчас же отправил посланца с императорской биркой в гостиницу за Чжу Ба-цзе и Ша-сэном. Когда Дурень услышал о том, что их приглашают ко двору, он, обращаясь к Ша-сэну, сказал:

— Дорогой брат! Помнишь, ты говорил, что не надо брать письма? А теперь сам можешь убедиться, какую пользу оно принесло нам. Государь, вероятно, велел принять нас, как полагается принимать людей, доставивших письмо и уж конечно устроил пир в честь нашего учителя. А поскольку аппетит у нашего учителя не велик, то он и вспомнил о нас. Ну что ж, поедим как следует, а завтра тронемся в путь.

— Дорогой брат, — сказал на это Ша-сэн, — ведь ты не знаешь, что там произошло. Однако делать нечего, придется идти. Вещи и коня мы оставим в гостинице; с собой же захватим только оружие.

Порешив на этом, они вместе с посланцем отправились ко двору и вскоре предстали перед тронном правителя. Они громко приветствовали его, но не двинулись с места. Сановники, все как один, пришли в ужас.

— То, что эти монахи так безобразны, еще можно было бы стерпеть, — говорили они между собой. — Но как бесцеремонно они ведут себя, ведь они не совершили перед нашим правителем ни одного поклона и стоят как ни в чем не бывало!

— Уважаемые господа! — сказал тут Чжу Ба-цзе. — Не осуждайте нас. На первый взгляд вид наш действительно вызывает отвращение. Однако если привыкнуть к нам, то ничего страшного нет.

А надо вам сказать, что и сам правитель трона, увидев до чего они безобразны, испугался не на шутку, когда же Дурень заговорил, царь задрожал от страха и почувствовал слабость в ногах. К счастью, один из придворных чинов поддержал его. Окончательно растерявшись, Танский монах опустился перед правителем на колени и, не переставая отбивать поклоны, говорил:

— Ваше величество, я достоин смерти, велите казнить меня. Я ведь говорил, как безобразны ученики мои, и поэтому не осмелился взять их с собой ко двору, опасаясь, что они могут нанести вред вашему царскому величеству. Так оно и случилось. Они напугали вас, ваше величество.

Тут только государь, не переставая дрожать, подошел к Сюань-цзану и через силу проговорил:

— Спасибо вам, преподобный отец, что вы заранее предупредили меня об этом. Если бы вы ничего не сказали мне, я умер бы от страха.

Много времени прошло, пока, наконец, правитель успокоился и заговорил:

— Почтенные отцы Чжу Ба-цзе и Ша-сэн! Кто из вас наиболее искусен в усмирении злых духов?

Дурень, не разобравшись толком, в чем дело, сразу же ответил:

— Я умею покорять духов.

— Как же вам удалось научиться этому? — спросил государь.

— Когда-то я был небесным полководцем, — отвечал Чжу Ба-цзе. — Но, нарушив законы неба, был сослан на землю. Теперь же я встал на путь Истины, сделался монахом и из Китая прибыл сюда. Я первый вступил в борьбу с этим волшебником.

— Если вы — сошедший на землю небесный полководец, — сказал на это государь, — то вы несомненно владеете искусством превращений.

— Этим как раз я не могу похвастаться, — произнес Чжу Ба-цзе. — Хотя некоторые превращения мне известны.

— Ну-ка, совершите хотя бы одно из них, я посмотрю, — попросил государь.

— Какое именно превращение вы хотели бы видеть? — спросил Чжу Ба-цзе. — Я выполню ваше желание.

— Ну, сделайте больше! — сказал государь.

А надо сказать, что Чжу Ба-цзе действительно владел искусством тридцати шести превращений. И вот он проделал движение руками, произнес: «Увеличивайся!» — затем согнулся и сразу же увеличился до девяти чжанов, став похожим на духа, расчищающего путь умершим. Выстроившиеся возле трона двумя рядами сановники, глядя на него, задрожали от страха. А один из них даже окаменел и замер, вытаращив глаза. В этот момент какой-то полководец спросил:

— Почтенный отец! Но без конца вы, вероятно, не можете увеличиваться?

Тут Дурень снова стал рассказывать всякие удивительные вещи.

— Я могу, например, превращаться в восточный и в западный ветер, — сказал он. — Если поднимется южный ветер, то в синем небе я могу сделать большое отверстие.

— Прекратите свое волшебство! — испуганно воскликнул государь. — Я уже знаю, что вы умеете.

И вот, когда Чжу Ба-цзе принял свой обычный вид, государь снова спросил его:

— Ну, а если вы отправитесь на бой с волшебником, каким оружием вы будете с ним сражаться?

Тут Чжу Ба-цзе вытащил из-за пояса свои грабли и сказал:

— Вот этими граблями.

— Да с таким оружием вы в два счета окажетесь побежденным, — рассмеялся государь. — На моих складах есть хлысты, когти, молотки, мечи, копья, алебарды, большие топоры, рапиры, сабли, рогатины, пики, серпы и прочее оружие. Вы можете взять что хотите. А ваши грабли разве оружие?

— Вам, ваше величество, вероятно неизвестно, что эти грабли, хотя и грубы на вид, но я не расстаюсь с ними с малых лет. Когда я был полководцем в небесном водном дворце и в моем подчинении находилось восемьдесят тысяч воинов, эти грабли были моим единственным оружием. Вот и теперь, очутившись на земле и охраняя нашего учителя, я укрощаю этими граблями диких зверей в горах, усмиряю водяных драконов.

Услышав это, государь остался очень доволен и приказал девятой наложнице принести вина из императорских складов, чтобы достойно проводить Чжу Ба-цзе. Он собственноручно наполнил кубок и, поднося его Чжу Ба-цзе, промолвил:

— Почтенный отец! Пусть этот кубок вина послужит благодарностью за тот труд, который вы берете на себя. Когда же вы расправитесь с волшебником и освободите мою дочь, я в

благодарность устрою вам великолепный пир и щедро вознагражу вас деньгами.

С виду Дурень был неуклюж и неотесан, однако знал правила приличия. Приняв от царя кубок, он обратился к Сюань-цзану с такими словами:

— Учитель! Этот кубок следовало бы, конечно, вначале поднести вам, но, поскольку государь милостиво пожаловал его мне, я не смею нарушить его волю и прошу вас разрешить мне выпить его. Это поможет мне успешно завершить начатое дело и выловить волшебника.

С этими словами Дурень мигом осушил кубок. Затем государь снова наполнил кубок и преподнес его Сюань-цзану.

— Я не пью вина, — смиренно отвечал тот, — а вы, братья, пейте, пожалуйста!

Тогда вперед выступил Ша-сэн и принял кубок. В этот момент у ног Чжу Ба-цзе появилось облако, и он вознесся ввысь.

Увидев это, государь сказал:

— Оказывается, почтенный отец Чжу Ба-цзе может летать на облаках!

Тем временем Дурень уже исчез из виду. А Ша-сэн, выпив вино, обратился к Сюань-цзану.

— Учитель, — сказал он, — боюсь, что Чжу Ба-цзе не справится один с волшебником. Даже когда мы вдвоем вели с ним бой, и то едва выдерживали его натиск. А Чжу Ба-цзе один и вовсе не устоит.

— Ты совершенно прав, ученик мой, — отвечал на это Сюань-цзан. — Отправляйся ему на помощь.

Тут Ша-сэн оседлал облако и бросился вдогонку за Чжу Ба-цзе. Правитель заволновался:

— Почтенный учитель, — сказал он Сюань-цзану, схватив его за руку, — вы-то хоть не улетайте, а побудьте со мной.

— К моему великому сожалению, — признался Сюань-цзан, — я и полшага не пролечу на облаке.

Однако не будем распространяться о том, как, оставшись вдвоем, они вели беседу. Вернемся лучше к Ша-сэну, который, догнав Чжу Ба-цзе, сказал ему:

— Дорогой брат, а вот и я.

— Ты зачем явился? — спросил Чжу Ба-цзе.

— А меня послал учитель в помощь тебе, — отвечал Ша-сэн.

— Вот это правильно! — обрадовался Чжу Ба-цзе. — Очень хорошо, что ты пришел. Если мы вдвоем как следует возьмемся за этого волшебника, он, несомненно, окажется в наших руках. Большой заслуги тут, конечно, нет, но все же в этой стране мы оставим о себе славную память.

Так на облаке счастья они

Оставляли столицу,

На сияющем в тучах луче

Миновали границу.

— Вот это правильно! — обрадовался Чжу Ба-цзе. —

И у горной пещеры спустились

По царскому слову,

Чтоб искусно добиться плененья

Волшебника злого.

Вскоре Чжу Ба-цзе и Ша-сэн прибыли к пещере и спустились на землю. Чжу Ба-цзе схватил свои вилы и что было сил хватил ими по воротам, пробив дыру величиной с кадушку. Перепуганные стражники поспешили открыть ворота, но, увидев Чжу Ба-цзе и Ша-сэна, опрометью бросились назад.

— Великий князь, — доложили они, — беда! Опять этот длинномордый, с большими ушами, и тот, у которого злое вид, явились сюда и разбили наши ворота.

— Это Чжу Ба-цзе и Ша-сэн, — сказал, сильно встревоженный волшебник. — Ведь я помиловал их учителя, как же посмели они снова явиться сюда, да еще ломать мои ворота!

— Может быть, они забыли что-нибудь из своих вещей, — сказали оборотни.

— Что за глупости! — рассердился волшебник. — Если даже они и забыли что-нибудь, зачем ломать ворота?! Нет, тут что-то не так.

Говоря это, он быстро надел боевые доспехи, взял меч и, выйдя из пещеры, крикнул:

— Эй вы, монахи! Ведь я помиловал вашего учителя, почему же вы снова явились сюда и ломаете наши ворота?!

— Ах ты гнусный волшебник! — заорал Чжу Ба-цзе. — Хорошенькими делами ты здесь занимаешься! Нечего сказать!

— О каких это делах ты говоришь?!

— Ты обманом выкрал третью принцессу государства Баосянго. Силой заставил ее стать своей женой и держишь ее здесь уже тринадцать лет. Ты должен немедленно освободить ее. Мы пришли сюда по воле государя этой страны для того, чтобы схватить тебя. Иди в пещеру и скажи, чтобы тебя связали, а то нам неохота возиться с тобой.

Выслушав это, волшебник рассвирепел. Он стоял с грозным видом — один, как гора, скрипел зубами, дико вращал вытаращенными глазами, словом, выглядел как настоящий герой. Взмахнув своим мечом, он нацелился прямо в голову Чжу Ба-цзе, Однако тот успел уклониться от удара и, пустив в ход грабли, ринулся на своего противника. За ним и Ша-сэн, взмахнув своим посохом, вступил в бой. И вот в горах разыгралось сражение, которое нельзя было даже сравнить с предыдущим.

Нередко ложь рождает возмущенье,

И возникает гнев от оскорбления.

Князь демонов стальным мечом разил,

И граблями монах отважный бил.

Сражался им» Чжу Ба-цзе отменно,

Вздыхался посох смелого Ша-сэна.

Противясь этим воинам небесным,

Князь демонов рубил мечом чудесным:

Не ведал он ни совести, ни страха;

Противились ему два праведных монаха.

Враги ходили — взад-вперед — неспешно,

Один сказал «Теперь умрешь ты, грешный,

За то, что нарушаешь ты законы!»

Другой ему ответил оскорбленно:

«Ты не в свое не вмешивайся дело,
И мне защита слабых надоела!»
Один сказал: «Принцессу взяв коварством,
Над всем ты посмеялся государством!»
А тот в ответ: «Тебе-то что за дело!»
Меж ними битва снова закипела
Из-за письма, что передано было,
Сражение разгорелось с новой силой.

Уже раз девять схватывались они на склоне горы, и Чжу Ба-цзе почувствовал, что теряет силы. Ему стало трудно орудовать своими граблями. Почему же они вдвоем не могли справиться с волшебником? А объяснялось это очень просто. В первый раз, когда они сражались, им незримо помогали духи, охранявшие учение Будды, они находились здесь потому, что в пещере был Сюань-цзан. Теперь же эти духи находились в столице государства Баосянго, охраняя Танского монаха.

— Ша-сэн, — не выдержал наконец Дурень, — ты подерись с ним, а я немного отдохну.

И, не обращая внимания на то, что Ша-сэн удерживал его, он ринулся прямо в заросли густой травы и терновника. Колючки раздирали ему кожу на голове, царапали лицо, но он не чувствовал боли. Как подкошенный повалился Чжу Ба-цзе в траву и тут же уснул. Однако он немного высунул ухо, чтобы слышать, что делается, и сквозь сон до него доносился шум боя.

Между тем, увидев, что Ша-сэн остался в одиночестве, волшебник ринулся на него. Ша-сэн, не ожидая этого, совершил оплошность, и волшебник утащил его к себе в пещеру. Тут Ша-сэну связали ноги.

Однако о том, что случилось дальше с Ша-сэном, вы узнаете из следующей главы.

<http://tl.rulate.ru/book/14623/286457>